

Луи Арагону — 85 лет

ФОТО А. КАРЗАНОВА

ДВУХТЫСЯЧНОГО ГОДА НЕ БУДЕТ

Луи Арагону... В короткой заметке немислимо трудно сказать о том грандиозном явлении живой французской культуры, которое олицетворено в этом имени, в долгой и славной жизни этого человека, в его клокочущем страстью таланте и, конечно, в его бесчисленных книгах, которых с лихвою хватило бы на целую плеяду блестящих поэтов, прозаиков и публицистов.

В эти дни Арагону исполнилось 85 лет, и 65 из них отданы литературе.

С первыми стихами он выступил в 1917 году. Дебют молодого поэта был связан с дадаизмом, а потом — и больше всего — с сюрреализмом, экспериментальными направлениями, которыми Арагону суждено было всерьез переболеть, прежде чем он выбрался из их душных лабиринтов на свежий воздух Истории.

Знакомство с Маяковским помогло Арагону в конце 20-х годов ускорить отход от сюрреализма, пересмотреть свои позиции. Об этом свидетельствует его приезд вместе с Эльзой Триоле в СССР для участия во 2-й Международной конференции революционных писателей, состоявшейся в Харькове в 1930 году, говорят и его поэмы начала 30-х годов «Красный фронт» и «Ура, Урал!».

В 1934 году Арагон участвовал в работе Первого Всесоюзного съезда советских писателей; тем же годом датируются «Базельские колокола», открывающие цикл романов «Реальный мир» («Богатые кварталы», «Пассажеры империи», «Орелье»; вместе с шеститомным романом-эпопеей «Коммунисты», так же входящий в этот цикл, «Реальный мир» явился широкой панорамой французской действительности двадцатых, тридцатых и сороковых годов нашего века.

Перу Арагона-прозаика принадлежат также книги «Страстная неделя» — роман о Франции 1815 года, «ста дней» Наполеона и художника Жерико; романы «Гибель всерьез», «Бланш, или Забвение» и «Театр/Роман», в которых так своеобразно переплелись эпическое и лирическое начала, рассказ и воспоминания о собственной жизни.

Певец оскорбленной и подымающей на борьбу Франции, Арагон стал в годы войны признанным национальным поэтом, знаменем и символом Сопротивления, неустойчивым и нежным его трубадуром. В сборниках «Ночь в сердце», «Глаза Эльзы», «Паноптикум», «Французская заря» он запечатлел волнующие страницы народной эпопеи: здесь и горечь поражения лета 1940 года, и оружие в руках партизан, и стойкость узников-патриотов, и цвета национально-го флага, возвращающие поэту его партию — «партию расстрелянных», партий коммунистов, в рядах которой Арагон работает вот уже 55 лет и членом Центрального комитета которой он состоит с 1954 года.

В послевоенные годы Арагон отдает свои силы борьбе против реакции и войны; он сплачивает писателей вокруг еженедельника «Летр француз», основанного еще в подполье группой литераторов-антифашистов; журналистика, участие в международных конгрессах, марши мира — и книги, книги, книги.

Среди сборников его философской, гражданской, интимной лирики можно назвать «Глаза и память», «Неоконченный роман», «Эльза», «Позы», «Меджун Эльзы», «Комнаты» и, наконец, 15-й, завершающий том полного собрания его стихотворений и поэм, вышедший в 1981 году под названием «Прощания». Маленькая поэма «Двухтысячного года не будет», которую сегодня публикует «Литературная газета», взята из этого тома.

Широта творческих интересов Арагона, твердость его гражданских позиций, эстетические искания, страстный поэтический темперамент отозвались в его лирике многообразием жанров и форм, богатством инструментовки, сочетанием национальных традиций стиха и новаторских решений. В поэзии Арагона полноправно и полноправно живут сонеты, октавы, терцины; он пишет всеми формами современного свободного стиха; он разрабатывает рифмы, удивительная изощренность которых соседствует с простодушной интонацией народной песенки и легким рисунком стилизованной народной баллады.

В монологах поэта — боль, и раздумье, и признание своих ошибок, и стремление передать собственный опыт всем, кто грядет на смену. Пусть для лирического героя этих стихов и «не будет двухтысячного года», но он озвучен судьбами всех людей, он хочет, он страстно хочет, чтобы двухтысячный год наступил для земного шара. Он полон тревоги за мир на земле.

Вот почему летом этого года 85-летний поэт написал для «Юманите» стихи, в которых призвал парижан выйти на улицы и пройти маршем мира по магистралям столицы. Вот почему 20 июня в первых рядах этого впечатляющего марша шел и автор стихов — Арагон, лауреат международной Ленинской премии «За укрепление мира между народами», гордость французской поэзии, гордость мирового культуры.

Дайте мне ваш кафедральный собор чтобы я во весь голос
Выплеснул все что в себе как ребенка ношу

И не бойтесь что песня моя тишину потревожит во храме
Впрочем разве вы сами не сотрясаете своды
гуденьем органов
Разве от яростных фуг не заломлены в муке
балконы дубовые руки

Разве вы росписью стен не смущаете взглядов
Разве ладаном вы точно пеплом не слепите ноздрей

Дайте мне ваш кафедральный собор чтобы в углах
где спят отголоски столетий

Развязался язык темноты и бессонница тоска
ворвется туда сквозняками

И шепот признаний в грехах встретится как конь
которого вдруг разнуздали

И облегчит в рыданиях душу каменевший веками камень
Ах позвольте же мне тишину кафедральных соборов
как невесту за руку взять

Я хочу написать свою фреску неизбежное горе
притулившееся на стуле

Возню малышей в золотистом свеченье проходов
И стариковскую память цепляющую за зернышки четок
И переменчивость освещенья с неторопливостью

старых часов ползущую от колонны к колонне
Я слышу как тихо почти совершенно беззвучно
времени ходит коса

Над кафедрой где слова картинно взмахивая рукавами
проповедуют что-то на разные голоса

Я слышу как стонет в платочек вдова
и к ногам красивых посулов бедную голову клонит

Слышу как скорбную песню на пороге царства теней
исторгает из сердца Орфей

А на паперти индий хохочет созерцая свой новый трофей
II

О мне ясна за сверкающим лоском
слишком ясна подоплека вещей

Если дадите вы мне архитрав или стрелчатый свод
я их задрапирую

Так искусно в отрешья души что ваш взгляд
растеряется вмиг

Если дадите вы мне чтобы украсить алтарь
золотые сосуды и тонкую ткань аналогий

Не цветами немими я их разрисую
ваши лилии слишком убоги

А леденящими душу протяжными криками боли
из которых солдатская хлещет кровь

Я разрисую их шпагами только что вытасненными из груди
И священнику не придется отныне за господнюю кровь
вино выдавать

Если дадите вы мне плиту и надгробье
Если дадите мне ризу и епитрахиль

Если дадите часовню с купелью и статуями святых
И молитву забытую кем-то под церковной скамейкой

Если дадите мне ключ от лестницы на колокольню
И дадите мне колокол который наверно давно уж забыл
как скликают народ на пожар

Если дадите вы все это мне изучившему мариологи
Увы не по книгам и календарям

Я вам обещаю что все содрогнется вокруг от набатного
грозного гула

И сон покинет всех тех кто еще остался в живых
И увянет в пальцах у них двойная гвоздика забвенья

Сладко дремать ах как сладко дремать в часовенках милых
Но в каждой из них я поместил бы убийство
с тысячами мертвецов

У всех растерзана плоть ампутирована душа
Палача холеные руки жало длинных ножей

Жадно шарят по ночи
Ветер ли дует дождь ли идет конь валается вспорото брюхо

Ветер ли дует дождь ли идет всё вокруг человеку улика
Человек всегда виноват он всегда и за все в ответе

На заре ли на склоне ль дней человек разбит и размолот
И всегда отдают на закланье неповинное существо

И если слышится стон значит жертва насильника стонет
И если слово звучит значит тут же задущат его

Ох и славная нынче погодка под зеленой листвою мук

III

Дайте мне ваш кафедральный собор где все так похоже
На каждодневную жизнь на улицу над которою солнце

Раздроблено колесом витражей
О солнечный свет с ободранной кожей

О древняя боль до чего ж ты на нынешнюю похожа

Так все похоже кругом голод ложь недоверье
Что выходя из собора невольно зажмуришь глаза

При виде веселой пирушки и влюбленных сидящих на сквере
И при виде безжизненных тел обугливающихся на пляже

И птиц кружащихся в раже над этой беспечной
грудью трупов и даже

Пробирает нервная дрожь
При виде разинутой пасти метро красных зрачков светофора

И туш на крюках в лавке у мясника

Дайте мне ваш кафедральный собор где вы так говорите
красиво

Что кажется сам господь бог пред тобою предстал
в благоухании фраз

Но когда пусть даже не бог когда проповедник
возникнет на кафедре

В ореоле своих облачений и пышных словес
и прочих прикрас

Затворите пожалуйста двери потому что сквозит
И снаружи доносятся смутные жалобы

стон перебитых костей
Или может быть это дрожат и скрежещут петли дверей

Век двадцатый чего ты дрожишь в этот час
рукотворных чудес

Затворите пожалуйста двери затворите же их поскорей

Кафедральный собор или зал театральный
Назовите его как хотите только дайте прибежище мне

Предоставьте пристанище дайте приют защитите
От volatility сидящей во мне и грызущей меня

Хоть какой-нибудь дайте сарай или просто забор
Чтобы было ку-у-у мне до града свалить урожай
тошнотворного страха

Умоляю подайте собор
Ради того кто должен на свет появиться

Кафедральный собор чтобы мог я укрыть свое царство
Царство убожества и нищеты что в себе я ношу

Царство щедрости и красоты что в себе я ношу
Как ребенка который начинает уже шевелиться

Предисловие и перевод Шериса БАКСМАХЕРА